

Авво мы ждали этой встречи. И вот 12 ноября череповчане пришли во Дворец культуры строителей на творческий вечер лауреата Государственной премии РСФСР Ольги Фокиной. «Каждый поэт должен помнить и учитывать, что стихи и понимание стихов действительно необходимы людям, особенно молодежи», — заметил Николай Рубцов в статье, которой приветствовал выход в свет первого в Северо-Западном книжном издательстве сборника стихов О. Фокиной «Реченька», еще тогда отмечая ее частые выступления перед большими читательскими аудиториями. За этими словами стояли размышления о назначении поэта в обществе.

— Встреча с Череповцом для меня одна из редких, — сказала Ольга Александровна. — Здесь живут не чужие мне люди, а земляки, которые могут судить о моей работе со всей строгостью.

О напряженности ее работы читатели знают. Она приехала в Вологду после окончания Литературного института двадцать лет назад, будучи автором первой поэтической книги. А на встрече череповчане получали ее автографы уже на восемнадцатой, только что вышедшей книге. Вообще нынешний год для поэта необыкновенно «урожайный»: в начале года в Москве в серии «Библиотека поэзии «Россия» вышла ее «Колесница»; только что разошлась книга «Памятка», подготовленная Северо-Западным издательством, включившая в себя стихи и драматическую поэму «Останься со мною»; и на выходе еще один столичный сборник «Три огонька». Название это неожиданно отобразило и содержание особого года творческой жизни. Действительно, три огонька. «Такого еще у меня не бывало», — говорит Ольга Александровна.

А она уже работает над составлением сборника избранных стихотворений. Ответственно исполняет обязанности депутата областного Совета народных депутатов, работает в областном Комитете защиты мира. Много внимания уделяет творчеству молодых авторов и, к слову сказать, на недавно состоявшемся в Вологде семинаре молодых литераторов Ольга Александровна обратила внимание на стихи череповчанина Александра Пошехонова, отметив при этом, что он стоит «на верных позициях», что «он говорит и душа у него болит об очень важных вещах и явлениях».

— Я знаю, — сказала она, обращаясь к череповчанам, что вы большие патриоты своего города. Я очень ценю это качество. Человек, если он не любит места, в котором живет, не старается обогатить его своим трудом, — наполовину человек.

А она любит Вологду. Но все в Вологде знают: искать Ольгу Фокину летом в городе — напрасный труд. Каждый год до сентября (у нее дочь и сын — школьники) она живет в Архангельской области, в родной деревне Артемьевской. Здесь истоки и корни ее творчества. Здесь начало тому необычайно интересному явлению в нашей литературе, имя которому — поэтический мир Ольги Фокиной.

Она сказала, что читать будет из любимых стихов.

Признаться, если бы попытаться предположить, что же она выберет для начала, — ни за что было бы не угадать. Начала с первой попытки поэмы — «Сыпь, снежок». Собственно говоря, с юношеской своей вещи, написанной на основе конкретного жизненного материала.

Я знаю обстоятельства появления на свет ее первых «вологодских», так сказать, вещей: нам довелось вместе работать в газете «Вологодский комсомолец». Она устала в командировку в Тарногу с заданием привезти отчет с официального совещания («раз послала власть — не перечила»), а возвращалась с фантазийными, какими-то ликующе озорными стихами, случившимися якобы оттого, как отведала невероятно вкусного, ну просто птичьего! тарногского молока: «Вдруг, вспорхнув на ель, соловьиному я пускаю трель! И пернатый мир и растения подпадают к песнопению. Очень здорово получается!» Здорово-то здорово, но где необходимый отчет? А у поэта не та забота: «Но совсем-совсем не для зависти я про эту был написала стих: надо тарку бы с кем-нибудь послать, кто на Тарногу захотел съехать. Молочка того, хоть с полтарки бы... Кто — на Тарногу? Кто — на Тарногу?»

Торопливый, по-молодому суматошный, но во многом обязательный и требовательный быт газеты, вероятно, делал так, что мы не всегда по достоинству, серьезно могли оценить то, что так легко (так нам казалось) выходило из-под ее пера.

И вот спустя почти двадцать лет я слушаю зрелого человека, поэта, за плечами которого глубокие, нежные, сильные по мысли и выразительности стихи, поэмы... Слушаю опыт первой юношеской поэмы. Читает Фокина строго, кажется, почти совсем не интонируя, ей дорога, прежде всего, мысль, к которой она неторопливо ве-

дет своего слушателя. Я слушаю и поражаюсь тому, какую бездну всего вместили в себя эти две заключительные строки: «Отошла Пылаева, началась Смирнова», написанные на подлинном жизненном материале еще совсем юной Фокиной. И я преклоняюсь перед тем, что этому высочайшему свойству — находить и выражать поэзию, «существующую в самой жизни — в чувствах, мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта» — поэт Ольга Фокина не изменила никогда.

Если говорить о содержании ее творчества, то лично мне особенно импонируют произведения, которые, считает она сама, продиктованы чувством нравственного долга перед людьми старшего поколения, перед нашими матерями и отцами, от имени которых, а не только от себя, она зачастую и

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

выступает. Жизненному подвигу их, терпению, скромности, мы, дети военного поколения, обязаны всем: и тем, чем стали, и всем тем, что имеем теперь.

Конечно, так хочется расспросить поэта о его жизни. Но можно этого и не делать. Чтобы знать его жизнь, — надо просто читать его стихи. И тогда возможны даже открытия. Полюсь примером. Зная, что Ольга Александровна самоотверженная, совершенно ни на кого другого не похожая мать, что она почти никогда не рассказывает со своими детьми, вдруг однажды читаю в «Красном Севере» стихотворение с посвящением дочери:

Ты очень хотела в деревню зимой,
Ты ради деревни рассталась со мной.
Уехала к бабушке жить-поживать,
Малышка-глупышка, воробушек мой,
Осталась без мамы.
Неужели, — подумалось, — решилась?

Но «тайну» стихотворения мне открыла художник Джанна Тутунджаев жившая в то время в одном доме с Фокиной.

— Да нет же, конечно, — сказала она. — Просто гуляли во дворе. Инга каталась с горки, а Оля в кармане держала ее варежку...

Она только лишь представила себе всю невозможность разлуки с ребенком — и из этого чувства родились прелестные стихи, которые волнуют теперь нас, ее читателей. Вот и выходит, что стихи дают нам какое-то иное (не знаю, каким измерением

определить это) знание о поэте, чем простое знание фактов его биографии.

Рассказать о поэте, о жизни его души решила заслуженная артистка РСФСР Л. В. Филиппова, работающая в группе обдраматизатора. Впервые познакомившись с Фокиной во время работы над спектаклем по пьесе «Черемуха» В. Астафьева, она увлеклась и творчеством, и личностью Ольги Александровны. Два года работала Филиппова над композицией из стихов Фокиной и песен на ее слова. Получилась интересная работа, правда, задуманная для камерного, разумеется, без микрофона, исполнения. В Череповце пришлось этим поступиться — в зале собралось девятьсот слушателей.

Кроме чтения стихов, на этом вечере Ольга Александровна отвечала на вопросы. В ответах ее, простых и искренних, ярко проявлялась позиция художника и гражданина. Приведу (и то в сокращении) лишь некоторые из них.

— Помнится, в послании Вологодскому обкому ВЛКСМ вы писали: «Мне, рано, ребята, в Европы...» Прошло время, вы побывали не только в Европе, но и в Австралии. Какие самые сильные впечатления вынесли из зарубежных поездок?

— В Италии поездка была очень ответственной. Поэты Роберт Рождественский, Расул Гамзатов и Виталий Коротич и я были приглашены участвовать в форуме «Поэзия в меняющемся мире». Кроме того, по восхитительным дорогам Италии путешествовали по историческим местам, приближались к культуре народа, встречались со студентами университета. Поняла, что интерес итальянцев к поэзии менее острый, чем у нас. Но, что любопытно, их больше волнуют в поэзии простые вещи. Совершенно неожиданно, например, завязался диспут на тему моего стихотворения — а я читала о матери. Они тоже думают, что дороже слов, чем мать, дитя, земля — ничего на свете нет.

А в Австралии нашу маленькую группу возглавлял поэт Егор Исаев. Мы приехали по приглашению русского клуба, были гостями русских людей, которые живут в Австралии. Уехали они по разным причинам, а теперь многие не чают увидеть Родину, но держат с ней связь. Жили мы в русских семьях, нас окружили теплом и заботой, мы путешествовали по благодатной, райской (по природным условиям) стране, в которой бастовали то железнодорожники, то кондитеры, и даже могильщики...

Самым большим счастьем было по возвращении увидеть за окном заснеженные березки. Оказаться снова дома — это великое счастье.

— Что тревожит вас в сегодняшних людях?

— Тревожит некоторая отчужденность. Мы больше живем индивидуальной жизнью, в нас стало меньше добра. Наверное, это потому, что мы индивидуализированы в своем благоустроенном быту. Но пусть это минует, и пусть не будет для нас больших испытаний для того, чтобы нам вновь найти дорогу друг к другу.

— Как вы относитесь к пародиям?

— Положительно. Это как перец. Пародия заставляет посмотреть на себя со стороны. Конечно, над собой смеяться не очень приятно, но вот над товарищем...

Выразительным завершением этого разговора, в котором было место самым разнообразным чувствам, стало прочитанное О. Фокиной короткое стихотворение «Дети меду не едят».

...Не ругаю я ребят,
Что едят не все подряд.
Пусть по вкусу выбирают
Да судьбу благодарят,
Что на фоне тишины
Пчелы мирные слышны,
Что денки сладки без меда,
Потому что нет войны.
Чтобы написать это, надо было сначала прожить именно ту жизнь, которая ей выпала.

* * *

В вечере также приняли участие самодельные композиторы и исполнители песен на слова Ольги Фокиной — К. Линк, П. Малышев, В. Иваненко, В. Громов, М. Зорин. Вечер был организован городским отделением Общества любителей книги.

Р. МИШИНА.